

О ДВУХ АРЕАЛАХ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРНОГО АЛТАЯ

М. Очир-Горяева

Предложено разделение памятников пазырыкской культуры степных долин Горного Алтая по ландшафтно-географическому принципу — по линии Катунско-Чуйской гряды на западный и восточный ареалы. Обзор основных памятников в пределах двух ареалов выявил различия в количестве, расположении памятников и в погребальном инвентаре, подтверждающие существование этих ареалов.

Горный Алтай, пазырыкская культура, ареал памятников, ландшафтно-географический принцип.

Введение

Традиционно археологические памятники скифской эпохи Горного Алтая рассматриваются как составная часть древностей степного пояса Евразии. Таковыми они и являются и в природно-географическом отношении, и в культурно-историческом аспекте. Более того, материалы пазырыкской культуры Горного Алтая играют роль символа скифской эпохи, его визитной карточки. Такое восприятие древних памятников Горного Алтая объясняется прежде всего уникальной сохранностью в погребениях пазырыкской культуры мумифицированных останков погребенных людей, сопровождавших их коней, а также многочисленных предметов из дерева, кожи, шерсти и других органических материалов.

Погребальные памятники пазырыкской культуры представлены курганами с каменной насыпью. Эпонимным памятником послужили царские курганы, раскопанные около с. Бальтыюль Улаганского района Республики Горный Алтай на пограничье с Республикой Тыва. Они были названы Пазырыкскими, по наименованию ложбины, где были раскопаны пять больших курганов с каменными насыпями. «Пазырык» переводится с тувинского языка как «куча — навал» в данном случае камней, что в целом правильно для алтайских курганов. Этим же словом «пазырык» называют по-тувински хозяйственный инвентарь, сложенный около юрты в кучу и прикрытый кошмой. По-алтайски курганы с каменной насыпью называются «курум». Местное население воспринимало «пазырыги» и «курумы» как древние погребальные сооружения и до недавнего прошлого зачастую устраивало в них собственные могилы.

Пазырыкская культура является одной из наиболее изученных в скифо-сарматской археологии. По последним данным, в целом по Горному Алтаю насчитывается 569 погребений пазырыкской культуры со 135 могильников [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 144].

Географические условия. В географическом отношении Алтай — крупный горный регион, образованный многочисленными хребтами, основные из которых вытянулись в широтном направлении. Горный Алтай занимает район между Северной Монголией и Западно-Сибирской низменностью. Высота горных хребтов Алтая увеличивается с северо-запада на юго-восток. Основной осью Горного Алтая является Катунско-Чуйская гряда. В то же время в западной, а особенно в центральной и юго-восточной частях Алтая значительное место занимают степи, приуроченные к днищам сухих котловин и древним террасам речных долин и окаймляющих их южных склонов гор. Степные пространства Алтая определяют географически как островные: они не образуют сплошного пояса, как остальная часть евразийской степи, а располагаются в виде обширных участков в глубине гор. Эти степи занимают средне- и высокогорные котловины, которые зачастую соединяются друг с другом различной ширины речными долинами [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 93–98].

Горные долины. Для адекватного понимания памятников Горного Алтая важными являются особенности распределения их по горным долинам. Горно-алтайские степные участки разделяются труднопроходимыми таежными горными хребтами, поэтому, надо полагать, древние племена, так же как и население доиндустриальной эпохи Горного Алтая, распределялись по отдельным замкнутым степным долинам. Даже в настоящее время каждая горная долина отличается от остальных как в географическом, так и в этнокультурном плане. Долины, расположенные по западным притокам Катуня, находятся на средних отметках относительно уровня

О двух ареалах пазырыкской культуры Горного Алтая

Мирового океана, отличаются более мягким климатом. Просторные, хорошо прогреваемые солнцем долины, окаймленные невысокими горами: Онгудайская долина, Усть-канская и Уймонская степи, позволяют разводить сады и огороды и заниматься земледелием. Улаганская долина и долина Чуи находятся на отметках более 1,5–2 тыс. м над уровнем Мирового океана. Климат здесь суров, лето короче и холоднее, таежные участки вплотную подступают к долинам рек, которые занимают сравнительно небольшие пространства. Наиболее просторная Чуйская степь отличается каменистой почвой. Плоскогорье Укок находится на высотах, превышающих двухтысячный рубеж, служит в качестве зимних пастбищ в силу малого снежного покрова, сносимого ледяными ветрами, господствующими в горах. В этнокультурном отношении имеются следующие различия. В книге «Докапиталистические пережитки в Ойротии» С.А. Токарев отмечал, что юго-восточные районы Алтая — долины р. Чуи, Башкауса, Чулышмана традиционно были заселены теленгитами; алтайцы-кижи расселились по течению р. Катунь и ее притоков: Урсул, Кок-су; по среднему течению Бии проживали кумандинцы, а вокруг Телецкого озера в лесистых горах — тубалары [1936, с. 10]. В настоящее время, несмотря на некоторую смешанность населения, большинство алтайцев проживает в своих исконных местах, сохраняя этническую идентичность. В.В. Радлов, посещавший Горный Алтай в 1860–1870 гг., отмечал, что алтайцы называют себя по названиям рек: урусул-кижи (люди с Урусула), чуй-кижи (люди с Чуи), башкаускижи, чолышман-кижи и т.д. [1989, с. 128]. Что касается середины I тыс. до н.э., то данные различия, несомненно, были более выраженными и значимыми. К тому же горные перевалы и большие расстояния, легко преодолимые с помощью современных асфальтированных дорог и скоростных машин, хоть и не являлись непреодолимыми препятствиями, но все же не способствовали массовому смешению населения различных долин.

Регионы. В исчерпывающей сводке памятников пазырыкской культуры, подготовленной коллективом авторов, объекты пазырыкской культуры рассматриваются в пределах двух крупных регионов: Юго-Восточного и Центрального Алтая. К Юго-Восточному Алтаю отнесены пазырыкские памятники из Улаганского и Кош-Агачского районов Республики Горный Алтай; к Центральному Алтаю — памятники из Онгудайского, Усть-Канского, Усть-Коксинского, Чемальского и Майминского районов [Кирюшин и др., 2003, с. 15–26]. Такое разделение сделано в рамках исторически сложившегося административного районирования современной Республики Горный Алтай. На два региона подразделял памятники пазырыкской культуры С.И. Руденко. Это прослеживается по названиям его книг. Одна из них — «Культура населения Горного Алтая в скифское время» — посвящена публикации Пазырыкских курганов из Улаганской долины [1953], во второй — «Культура населения Центрального Алтая в скифское время» [1960] — публикуются Башадарские и Туэктинские курганы из Онгудайской долины. В ней же приведены сведения о раскопках Больших Катадинского и Берельского курганов из высокогорных долин юго-западного Алтая. Становится понятным, что памятники пазырыкской культуры так или иначе разделяются на два ареала, что нашло отражение в отмеченных выше археологических исследованиях. При этом линия разделения между ареалами подразумевалась, но не оговаривалась специально.

Граница. Между тем, согласно ландшафтно-географической характеристике, осью Горного Алтая является Катунско-Чуйская гряда, которая тянется с севера-запада на юго-восток. В этом же направлении увеличивается высота горных хребтов Алтая. Особенности ландшафта и течение наиболее крупных рек служили в древнюю и доиндустриальную эпохи естественными границами. Памятники пазырыкской культуры расположены по обеим сторонам Катунско-Чуйской гряды. Учитывая сложившуюся традицию разделения пазырыкской культуры на два региона, предлагается рассматривать памятники пазырыкской культуры в рамках двух ареалов: западного и восточного.

Восточный ареал пазырыкской культуры

В восточном ареале пазырыкской культуры выделяются три наиболее значимые группы памятников — Пазырыкские курганы в Улаганской долине (пять княжеских курганов), курганные группы долины р. Чуи, Уландрык, Барбугазы, Ташанта, а также курганы долины р. Ак-Алахи или платформы Укок. Описание этих групп ведется с юга на север.

Наиболее малочисленной является группа курганов из долины р. Ак-Алахи. Исследование высокогорного и труднодоступного региона было начато только в последнее десятилетие прошлого столетия [Полосьмак, 1994, 2001; Молодин, Мильников, 1994; Молодин, Соловьев, 1994], что, несомненно, сказывается на количестве изученных памятников. Кроме того, курганные

группы долины Ак-Алахи, содержат, как правило, всего несколько объектов. Надо полагать, что ограниченность пастбищ и сложные природно-климатические условия высокогорного плато Укок и Бертекской котловины естественным путем сдерживали освоение этих мест древним населением. По данным этнографов, в начале 1990-х гг. на плато Укок проводили зимовку около 30 чабанских семей с поговьем скота по 800 голов. Постоянным местом жительства этих семей были поселки Джазатор и Кызыл Аргут, расположенные внизу, в долине [Октябрьская, 1994, с. 203–204]. Немногочисленность древнего населения, вероятно, отразилась в плотности и количестве оставленных ими могильников. В курганной группе Бертек-1 насчитывалось пять курганов, в группе Бертек-10 — восемь, в группе Бертек-27 — семь, в группах Кутургунтас и Верхний Кальджин и Ак-Алаха-5 — по пять курганов, в группе Ак-Алаха-3 — всего два кургана и т.д.

Ак-алахинские курганы были небольших размеров. Наиболее крупный среди них — Кутургунтас. Его диаметр — 27 м, а высота — 0,95 м. Глубина могилы значительно превышала глубину остальных погребений и составляла 330 см. Диаметр остальных курганов в южном ареале варьируется от 14 до 8 м, высота курганов — от 0,80 до 0,32 м, глубина могил — от 1,76 до 2,40 м. В кургане Кутургунтас был погребен мужчина средних лет (30–40 лет) в сопровождении 10 коней. Следующим по величине насыпи, глубине могилы и количеству сопровождавших коней был курган 1 из группы Ак-Алаха-1 с коллективным захоронением мужчины 50 лет и женщины 16 лет. Диаметр кургана — 18 м, высота — 0,70 м, глубина могилы — 2,90 м. Погребение содержало 9 сопровождавших коней. Третьим по тем же параметрам был курган с погребением знаменитой «укокской принцессы» — молодой женщины 25 лет — из группы Ак-Алаха-3. Диаметр кургана — 18 м, глубина могилы — 2,82 м. Погребение содержало 6 сопровождавших коней. Обзор показывает, что перечисленные объекты по данным критериям могут рассматриваться как погребальные памятники средней категории.

Однако этому противоречит количество сопровождавших коней в упомянутых выше трех курганах, которое можно рассматривать как характерное для княжеских погребальных сооружений, таких как курган 1 Пазырык, в котором были сопогребены 10 коней, курган 5 Пазырык с захоронением 9 коней, первый и второй Туэктинские курганы с захоронением 8 коней, первый Башадарский курган с захоронением 10 коней. Количество сопровождавших коней, как и размеры погребального сооружения, является бесспорным показателем высокого социального статуса погребенных людей. Получается, что наиболее крупные курганы: Кутургунтас, Ак-Алаха-1 и Ак-Алаха-3 — по количеству коней вполне сравнимы с погребениями княжеского ранга.

Курганы долины Ак-Алахи, за исключением Кутургунтаса, не были подвергнуты разграблению. В последние годы все большее число исследователей склоняется к интерпретации древних ограблений курганов как следов постпогребальных ритуалов или обрядов, подобных уничтожению тула или свержению и разбитию каменных изваяний на поминках умершего, после чего наследник мог вступить в законное правление [Кузьмин, 1991; Мозолевский, Полин, 2005, с. 427–445; Яблонский, Мещеряков, 2006]. На верования, связанные с ограблением курганов, обращал внимание П.И. Шульга [2003, с. 102–105]. Приведены аргументы о последующем посещении погребальных камер верховных владетелей для проведения обрядов и использовании их как своеобразных «часовен» [Савинов, 1995–1997; Наглер, 2003]. В ненарушенности ак-алахинских погребений заключается существенное отличие в обряде от аналогичных погребений знати Пазырыкских курганов и курганов Центрального Алтая (Башадар, Туэкта, Катанда). Ведь за ритуальным ограблением курганов скрывается представление о передаче власти политической и религиозной. Таким образом, ограбленность курганов можно рассматривать как признак погребений правящей верхушки.

В конских уборах Укока не встречены маски с рогами оленя или горного барана, т.е. отсутствует маскировка коней под диких животных, так называемых «головных коней». Это еще один признак, отличающий укокские курганы от больших Пазырыкских курганов.

Среди большого количества образцов звериного стиля в курганах Ак-Алахи имеется всего два весьма невыразительных изображения сцен терзания — на гривне и колчанной пластине из парного погребения кургана 1 Ак-Алахи-1 [Полосьмак, 2001, рис. 58, 110]. Изображения отличаются отсутствием экспрессии, животные как бы приложены друг к другу. Получается, что, при наличии богатых, многочисленных конских захоронений, соответствующих княжескому рангу, остальные показатели этого ранга, такие как размеры погребальных сооружений, конские маски, сцены терзания животных, следы ритуальных ограблений, в укокской группе мало представлены. Уздечные бляшки коней из долины Ак-Алахи отличаются заметным однообразием, по-

О двух ареалах пазырыкской культуры Горного Алтая

вторением декоративных элементов в виде розеток и образов птицы. Мотив хищной птицы является преобладающим в зверином стиле ак-алахинских курганов. Перечисленное как будто не может объясняться хронологическими различиями. Для курганов Кутургунтас, Ак-Алаха-1 и 3 были получены радиоуглеродные даты, на основании которых их объединили в одну хронологическую группу с первым и вторым курганами Пазырыкского могильника [Евразия в скифскую эпоху..., 2005, с. 165–169; Степанова, 2006, табл. 1]. Кроме того, выявлены факты, обнаруживающие прямые родственные контакты между погребенной из кургана 1 Ак-Алахи-3 («укокской принцессой») и погребенными (семейная пара?) из второго Пазырыкского кургана. Татуировки пазырыкского «вождя» и «укокской принцессы» стилистически едины и отличаются от татуировки супруги вождя, что и было подтверждено последними исследованиями с помощью инфракрасного излучения [Barkova, Pankova, 2005]. Н.В. Полосьмак высказывала предположение, что большое деревянное блюдо-столлик без ножек из кургана 1 Ак-Алахи-3, вполне вероятно, является крышкой одного из четырех столиков из второго Пазырыкского кургана [2001, с. 187]. Из четырех поставленных в погребальную камеру столиков целым сохранился только один, с трех других были сорваны крышки, одна из которых в кургане так и не обнаружена, ножки же от всех четырех столиков найдены вмёрзшими в лед на дне склепа [Руденко, 1953, с. 82–83]. Мной же замечено, что на одной из немногих сохранившихся седельных покрывшек из погребения «принцессы» повторяется сцена с седельной покрывшкой седла 4 из первого Пазырыкского кургана [Грязнов, 1950, рис. 36; Полосьмак, 2001, рис. 141], а также, что единственный уздечный набор с псалиями в виде голов горного козла — аргали — в Ак-Алахе-3 принадлежал коню, положенному выше всех, т.е. наиболее важному. Все остальные уздечные наборы из долины Ак-Алахи имели псалии с окончаниями в виде декоративных розеток или головок водоплавающих или хищных птиц. Между тем псалии с изображениями копытных, и особенно аргали, характерны для Пазырыкских курганов. Псалии с окончаниями в виде голов аргали имеются и в первом и во втором кургане [Руденко, 1953, табл. XLVI, 4]. Ак-алахинский псалий отличается от аналогичных пазырыкских несколько более примитивной техникой исполнения. Таким образом, прослеживаются прямые родственные контакты. Возвращаясь к преобладанию образа хищной птицы в украшении уздечных наборов и отсутствию сцен терзания на изображениях из курганов долины Ак-Алахи, можно считать наиболее вероятным, что в этом проявились локальные племенные особенности и статус родовитого, но не правящего клана.

Следующая значительная по количеству группа погребений происходит из долины р. Чуй. Для Чуйской долины характерны цепочки из десятков курганов, тянущиеся в меридиональном направлении. Максимальное количество коней в погребении — три. Погребальные комплексы из Чуйской долины в основном имеют весьма скромные размеры. Диаметры курганов варьируются от нескольких метров до 10–12 м, высоты — от 10 до 50 см. В основном курганы выделяются на поверхности как скопление камней. Некоторые из них имеют диаметр чуть больше 2 м, т.е. являются скорее могильными холмиками.

Все кони из Чуйской долины были взнузданы и оседланы. Об этом свидетельствуют железные удила и костяные или деревянные подпружные пряжки, найденные с лошадьми. У ряда лошадей деревянные украшения узды и сбруи не сохранились, но, как правило, был замечен тлен от этих украшений. Курганы Чуйской долины практически ни разу не были ограблены, хотя В.Д. Кубарев отмечал, что многие из них имеют в центре легко разбираемое каменное заполнение, которое создавало возможность проникнуть в камеру погребения. Но явных следов использования этой возможности не наблюдалось. Есть случай (Уландрык-I, кург. 8), когда, по всей видимости, был внесен третий погребенный без ущерба первоначальному захоронению [Кубарев, 1987, табл. XVII, XVIII].

В погребениях из Чуйской долины были найдены сотни предметов из дерева, кожи и т.д., сохранившихся благодаря мерзлотным грунтам. Многие из этих предметов украшены в зверином стиле, но сцены терзания также не встречались. Деревянная диадема из кургана 1 могильника Уландрык-IV — единственный образец со сценой терзания из курганов Чуйской долины. «Сцена дана условно, и хищники здесь являются просто дополнительным изобразительным элементом. Их оскаленные пасти только приставлены к оленям», — так описывал изображения на деревянной диадеме автор раскопок [Кубарев, 1987, с. 144. рис. 45]. Таким образом, погребения из Чуйской долины демонстрируют все черты погребального обряда рядового населения пазырыкской культуры.

Наиболее яркими памятниками восточного ареала пазырыкской культуры являются знаменитые Пазырыкские княжеские курганы из Улаганской долины. Вокруг пяти больших, согласно плану, снятому С.И. Руденко, находились 14 малых курганов. С.И. Руденко отмечал, что всего там около 40 сооружений, включая поминальные сооружения и ограды различных эпох. Таким образом, курганы вождей представляли немногочисленную группу и занимали доминирующие возвышенности на своем курганном поле (ил. 1). На восток от четырех курганов отходили ряды балбалов. Количество балбалов в тексте не указано, но они отмечены на плане курганов в виде черточек. Курганы 1–3 имели по пять балбалов, курган 4 — четыре балбала, а по окружности кургана 5, «отступя 2, 5–3 м от края насыпи, на некотором расстоянии один от другого были вертикально врыты каменные плиты. Вокруг кургана имеются примыкающие к нему радиально расположенные каменные кладки» [Руденко, 1953, с. 27].

Самым большим в группе был второй курган, ненамного меньше — пятый, примерно одинаковыми были курганы первый и третий. Самым маленьким оказался четвертый курган. Диаметры пяти насыпей варьируются между 47 м (кург. 1) и 24 м (кург. 4). Высота насыпей — между 3,78 м (кург. 2) и 1,5 м (кург. 4). Глубины могил во всех курганах достигали 4 м, и только в третьем глубина могилы была 5 м. Во всех курганах, кроме первого, были погребены мужчина и женщина в одном саркофаге-колоде. Останки погребенных, в том числе сохранившиеся мумии из второго и пятого курганов, позволяют считать этот факт твердо установленным. При раскопках первого кургана не было уделено должного внимания погребениям, разрушенным грабителями [Грязнов, 1950]. Но имеются косвенные данные, что в камере были найдены «шесть (войлочных и травяных) колец-подставок под сосуды» [Руденко, 1953, с. 363]. Согласно материалам последующих раскопок, для каждого умершего в больших курганах были поставлены три сосуда: керамический, деревянный и роговой. В ряде сооружений прослежено, что сосуды эти ставились на подставки в виде колец. Три такие войлочные подставки под сосуды, сшитые друг с другом, обнаружены в кургане 3 могильника Верхний Кальджин-2 [Полосьмак, 2001, рис. 132], или же подставки были пришиты к войлочному ковру, постеленному на полу камеры [Руденко, 1953, рис. 43]. Судя по количеству подставок-колец, в первом кургане были похоронены два человека. Поскольку в камере находился только один саркофаг-колода, то, по аналогии с остальными большими курганами, вероятнее всего, что в первом, так же как и во всех остальных больших Пазырыкских курганах, были похоронены мужчина и женщина. Таким образом, все пять сооружений служили усыпальницами, скорее всего, супружеских пар. Сопровождающие эти семейные усыпальницы захоронения коней, однако, сильно различаются. Больше всех коней было в третьем и в четвертом курганах — по 14. В первом кургане — 10, в пятом — 9 лошадей. Наименьшее количество коней сопровождало, как ни странно, второй курган (самый большой по размерам) — всего 7 особей. Все большие Пазырыкские курганы ограблены. Но конские захоронения ни в одном из них не были нарушены. Поэтому наиболее многочисленные находки из больших княжеских курганов происходят из конских могил, т.е. они представлены предметами конского снаряжения. Несмотря на это, имеется всего один головной убор-маска с ветвистыми рогами оленя в натуральную величину из первого Пазырыкского кургана.

Большие курганы, подобные Пазырыкским, в восточном ареале пока не открыты. На сегодняшний день это единственный некрополь княжеского ранга для восточного высокогорного ареала пазырыкской культуры.

Для восточного ареала характерным является то, что конские захоронения не были подвергнуты разрушению «грабителями». Связано это, скорее всего, с тем, что конское снаряжение этого региона было изготовлено в основном из дерева и только иногда украшено тонкой золотой фольгой низкого качества. Даже клыки кабана заменялись деревянными имитациями. Единственными металлическими изделиями в погребениях были удила: железные или бронзовые. Отличие наблюдается также в ременной гарнитуре. Е.В. Степанова провела тщательное исследование конструктивных деталей седельных пряжек пазырыкской культуры и установила наличие двух систем подпружных застёжек — двухчастной и более простой одночастной [2005]¹. По преобладанию в конском снаряжении восточного ареала пряжек с носиком-выступом или крючком, отогнутым наружу, без парной к ним пряжки, можно заключить, что здесь была распространена одночастная система подпружных застёжек. С правой стороны коня при этой

¹ П.И. Шульге удалось установить, что в предложенной реконструкции положение пряжки и блока было обратным, т.е. пряжки-застежки находились на верхнем ремне [Кубарев, Шульга, 2007, с. 120]. Но факт наличия двух- и одночастной системы подпружных пряжек остается в силе.

О двух ареалах пазырыкской культуры Горного Алтая

системе приструга пристегивалась к подпруге с помощью застежек-палочек или ременных узлов. У двух седел из первого Пазырыкского кургана сохранились кожаные петли на левых пристругах, которые могут указывать, что в них была использована двухчастная система застежки. Но пряжки, необходимые для этой системы, отсутствуют [Степанова, 2006, с. 125].

В неграбленных погребениях, таких как ак-алахинские, в камерах с погребенными были найдены также только единичные предметы из металла, будь то бронза, серебро или железо. Ряд предметов были покрыты золотой фольгой. Как показал металлографический анализ, тонкая и непрочная фольга пазырыкцев Горного Алтая получалась путем амальгирования [Шульга, 2003, с. 58–59, 137, прил. II]. Почти все детали одежды, включая декоративные детали серег и гривен, были изготовлены из дерева. Оружие, доспехи были представлены моделями реальных предметов, исполненными в дереве.

Подводя итоги, перечислим особенности восточного ареала. Пока здесь не открыты памятники раннего этапа пазырыкской культуры, такие как Туэктинские и Башадарские курганы. Памятники княжеского ранга представлены только пятью курганами из Пазырыкского могильника. Конские сопроводительные захоронения восточного ареала не были подвергнуты ограблению. Большинство предметов погребального инвентаря изготовлены из дерева, иногда были покрыты золотой фольгой довольно низкого качества. В сбруйной гарнитуре использовалась более простые одночастные пряжки. Все перечисленные особенности прямо и косвенно отражают трудные условия проживания в высокогорных долинах и скудость жизнеобеспечивающих ресурсов.

Западный ареал пазырыкской культуры

В западном ареале пазырыкской культуры насчитывается большее количество погребальных памятников княжеского ранга, чем в восточном ареале. Кроме того, они не сосредоточены в одном могильнике, как Пазырыкские, а происходят из различных долин, разделенных десятками километров. Крайними южными среди княжеских являются Большой Берельский курган и курган 11 этого же могильника в долине р. Бухтармы. По карте Берельский могильник находится ближе к долине р. Ак-Алахи, но в силу особенностей горного ландшафта долина Бухтармы более связана с верховьями Катуня, обходящей с западной стороны Катунские белки. Этот момент специально подчеркивал С.С. Сорокин [1969, с. 209]. Группа Берель насчитывала 31 курган, из которых все пять (два — княжеских, три — рядовых) раскопанных курганов пазырыкской культуры содержали сопровождающие захоронения коней. Насыпь Большого Берельского кургана была самой высокой среди насыпей усыпальниц царского ранга Горного Алтая: достигала 6 м при относительно малом диаметре в 30 м. Курган разграблен, погребения в саркофаге-колоде были разрушены. На саркофаге найдены четыре бронзовые фигурки грифов. Конские захоронения не были потревожены. В конском отсеке обнаружены останки 16 коней, положенных по четыре в ряд. Судя по истлевшим останкам, кони первых (к востоку) двух рядов были особенно богато украшены.

В кургане 11 могильника Берель представлены все признаки курганов княжеского ранга. Погребенные были положены в саркофаг из цельной колоды, украшенный четырьмя бронзовыми фигурками грифов и деревянными: одной — грифоньего сфинкса и четырьмя — львиных сфинксов. Среди образцов звериного стиля представлены несколько видов сцен терзания. В конском отсеке находились останки 13 коней с богато украшенной уздой. Три коня (один из нижнего и два из верхнего слоя) имели конские маски с деревянными рогами аргали. Насыпь кургана 11 имела диаметр 34,8 м и высоту 2 м, могильная яма также в значительной степени превышала по размерам могильные ямы в рядовых курганах. Авторы раскопок полагают, что погребение не было подвергнуто ограблению, а пролом в крыше камеры с северной стороны образовался в результате давления камней [Samashev et al., 2002]. Останки погребенных не были нарушены. Однако разлом в деревянном срубе имеет правильную округлую форму с ровными краями, что, на мой взгляд, может указывать на проникновение в камеру.

Далее на север, по течению р. Катуня, располагался следующий курган княжеского ранга — Большой Катадинский, в котором было обнаружено сопровождающее захоронение 22 коней, положенных в три слоя. Большой Катадинский курган находился в центре курганного поля из 63 усыпальниц. Курган диаметром 40 м и высотой 2 м. Могильная яма внушительных размеров — 4,7×5,2 м, глубиной 5 м. Погребальная камера с двумя погребенными ограблена. Конские захо-

ронения не были потревожены. Предметы узды в конском отсеке в подавляющем большинстве истлели.

Пять курганов княжеского ранга из трех местонахождений были исследованы в Онгудайской долине: два Башадарских, два Туэктинских и Шибе. Все они происходят из так называемых курганных полей. Туэктинское курганное поле расположено на левом берегу р. Урсул, у с. Туэкта. На площади 110 га в 1954 г. было учтено 197 курганов различных эпох и отмечены наиболее значительные ряды вертикально поставленных камней и каменные выкладки [Руденко, 1960, с. 96–106]. Большинство курганов было расположено цепочками в меридиональном направлении — верный признак пазырыкских курганов. У *восточного края* могильного поля была расположена цепочка из четырех больших курганов. Раскопаны были два кургана с северного конца, получившие название первого и второго Туэктинских. На Башадарском могильном поле зарегистрировано несколько курганных групп из 57 курганов. *Самыми восточными* были три больших кургана, расположенных цепочкой с севера на юг с небольшим отклонением. Крайний северный имел чисто земляную насыпь. Два из них — центральный и южный были раскопаны и названы первым и вторым Башадарскими. Могильник Шибе расположен на левом берегу р. Урсула в 1–2 км выше впадения в нее речки Талды. Могильник состоял из 124 могильных сооружений, образующих четыре большие группы. *Восточная группа* включала 66 сооружений, среди которых выделялась цепочка из шести больших курганов, вокруг которых группируются все остальные. Самый северный из них был самым малым по диаметру. Он был раскопан и получил название Большого Шибинского кургана или просто Шибе [Баркова, 1978]. Таким образом, все большие курганы располагались с восточного края курганных полей. При ориентации лицом на восток они оказывались «впереди» остальных. Точно так же два наиболее крупных кургана могильника Берель были расположены несколько поодаль на восток от основной цепи курганов, в створе друг с другом: Большой Берельский на юге, на краю крутого берега р. Бухтармы, а курган 11, меньших размеров, — на севере, у самого подножия гор [Samashev et al., 2002, Abb.1].

Важным является также то, что на курганных полях остались нераскопанными часть больших сооружений. На Туэктинском курганном поле были раскопаны два кургана из четырех больших, на Башадарском поле — два кургана из трех больших, на Шибинском курганном поле — один из шести больших. Итого насчитывается восемь больших курганов в Онгудайском районе. Авторы сводки «Скифская эпоха Горного Алтая» приводят данные о нераскопанных «элитных» курганах скифской эпохи из курганной группы Нижняя Соору в 3,5 км от с. Куланда Онгудайского района, а также о более чем десяти «огромных» курганах «с глубокими воронками в центре каменных насыпей» в 3–4 км от с. Ело Онгудайского района. Из чего сделан вывод: «По имеющимся данным уже сейчас ясно, что основной район, где хоронили людей высокого социального положения пазырыкского общества, находится в Центральном Алтае, в долине Урсула и его притока р. Каракол. Такая ситуация, на наш взгляд, не случайна, требует более пристального внимания и объяснения» [Кирюшин и др., 2003, с. 15]. Ключ к объяснению, на мой взгляд, лежит в ландшафтно-географических особенностях западного ареала, и особенно Онгудайской долины. Размеры и количество погребальных сооружений на вышеописанных курганных полях наглядно показывают интенсивную заселенность этого региона в древности в силу более благоприятных климатических условий и более богатых экономических ресурсов.

Особенностью памятников западного ареала пазырыкской культуры является большее количество, чем в восточном ареале, предметов из металла: кинжалов, клевцов, предметов конской узды, золотых украшений, каменных бус в рядовых погребениях, последующее ограбление которых не планировалось. Например, в кургане 27 могильника Тыткескень-VI был найден полный уздечный набор, изготовленный из бронзы: удила, псалии, уздечные бляшки и подпружная пряжка [Кирюшин и др., 2003, с. 200–202].

В трех наиболее ранних погребениях знати западного ареала (во втором Башадарском, первом и втором Туэктинских курганах) конские захоронения были потревожены во время ограбления. Конские погребения из более поздних курганов как западного, так и восточного ареала грабителями не нарушались. Возможно, связано это с тем, что в ранних курганах, особенно во втором Башадарском, конское снаряжение содержало целый ряд ценных предметов из бронзы: псалии, удила, уздечные и сбруйные бляшки, подпружные пряжки и десятки кабаньих клыков. Часть предметов была обложена массивными золотыми пластинками. В более поздних погребениях бронзовые предметы узды и сбруи и даже кабаньи клыки были заменены на деревянные имитации, покрытые тонкой золотой фольгой низкого качества.

О двух ареалах пазырыкской культуры Горного Алтая

Географическая разбросанность некрополей знати свидетельствует о многочисленности населения, рассредоточенного по разным долинам, концентрация вокруг погребений знати сотен погребений — о более плотной, чем в восточном ареале, заселенности западного ареала. Наличие многочисленных бронзовых предметов узды и целых наборов узды и сбруи из бронзы позволило выявить двухчастную систему соединения подпруги и пристуги. Эта технически более сложная система предполагала использование бронзовой пряжки и застежки. Система двух бронзовых деталей встречена в сбруе коней как знати, так и рядовых [Степанова, 2005], что, кроме прочего, было показателем материальных возможностей населения западного ареала. Показательно также, что во время ограбления Башадарских и Тузктинских курганов грабители снимали только листовое золото; бронзовые псалии и часть массивных бронзовых украшений узды и седел были оставлены вместе с деревянными частями.

В западном ареале конские головные уборы-маски с рогами в натуральную величину были представлены в кургане 11 Берель (три коня с масками горного барана-аргали), во втором Башадарском кургане (убор коня 2 с рогами горного барана-аргали) и в кургане 2 Туэкта (рога горного барана-аргали от 8 масок). Итого в западном ареале 12 коней были «головными», т.е. украшены уборами-масками с рогами в натуральную величину.

Особенностью западного ареала является то, что, наряду с образами зверей, здесь широко использованы декоративные элементы: асимметричные розетки, а также «каплевидные» или «в виде запятой» подвески. В целом от самых ранних курганов Туэкты и до поздних — Шибе — преобладающим для западного ареала звериным образом является образ кошачьего хищника, иногда с рогами. Сцены терзания не встречены ни в одном из больших княжеских курганов западного ареала, они имеются только на нескольких предметах из кургана 11 Берель.

Таким образом, предпринятый обзор подтверждает предложенное разделение памятников пазырыкской культуры на западный и восточный ареалы. Памятники, расположенные на западе или востоке Катунско-Чуйской горной гряды, имеют ряд общих черт, позволяющих рассматривать их как отдельные культурные явления. Различия между ареалами касаются материала, конструкции конского снаряжения и репертуара звериных образов в уздечных наборах и в конских головных уборах-масках. Географическое расположение памятников, и прежде всего больших курганов, а также планиграфия курганных полей западного ареала свидетельствуют о более высоком социально-экономическом развитии по сравнению с высокогорным восточным ареалом. В то же время погребальный обряд обоих ареалов пазырыкской культуры отличается единообразием, что является показателем этнической родственности пазырыкцев.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баркова Л.Л.* Курган Шибе и вопросы его датировки // АСГЭ. 1978. Вып. 19. С. 37–44.
- Грязнов М.П.* Первый Пазырыкский курган. Л.: Гос. Эрмитаж, 1950. 81 с.
- Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология.* СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1997. 233 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: АлтГУ, 2003. 234 с.
- Кузьмин Н.Ю.* Ограбление или обряд? // Реконструкция древних верований: Источники, метод, цель. Л.: ГМИР, 1991. С. 146–155.
- Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И.* Пазырыкская культура: (Курганы Чуй и Урсула). Барнаул: АлтГУ, 2007. 281 с.
- Мозолевский Б.Н., Полин С.В.* Курганы скифского Герроса IV века до н.э.: Бабина, Водяна и Соболева могилы. Киев: Сталос, 2005. 599 с.
- Молодин В.И., Мильников В.П.* Могильник Бертек-10 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994. С. 76–88.
- Молодин В.И., Соловьев А.И.* Могильник Бертек-27 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994. С. 94–104.
- Наглер А.* Курган 1 могильника Байкара — святилище скифского времени // Г. Парцингер, В. Зайберт, А. Наглер, А. Плешаков. Большой курган Байкара: Исследования скифского святилища. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2003. С. 219–230. (Archäologie in Eurasien; Bd. 16).
- Октябрьская В.И.* Этнографические исследования на плоскогорье Укок // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994. С. 199–207.
- Полосьмак Н.В.* «Стережущие золото грифы»: (Ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. 125 с.
- Полосьмак Н.В.* Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

М. Очир-Горяева

- Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1953. 401 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1960. 359 с.
- Савинов Д.Г. О ритуальном назначении погребальных камер Больших Пазырыкских курганов // Сакральное в культуре. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 6–8.
- Савинов Д.Г. Об обряде погребения Больших Пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: Вичи, 1996. С. 107–111.
- Савинов Д.Г. Погребальные камеры-«часовни» Больших Пазырыкских курганов // Сакральное в истории культуры. СПб.: ГМИР, 1997. С. 30–40.
- Степанова Е.В. Эволюция подпружных застежек по материалам курганов Алтая скифского времени // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: АлтГУ, 2005. С. 109–115.
- Степанова Е.В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // Археол. вести. СПб.: ИИМК РАН, 2006. № 13. С. 102–149.
- Сорокин С.С. Большой Берельский курган: (Полное издание материалов раскопок 1965 и 1959 гг.) // Культура и искусство народов Востока. Л.: Гос. Эрмитаж, 1969. С. 208–236. (Тр. ГЭ; Вып. 7).
- Тишкин А.А., Дашиковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: АлтГУ, 2003. 429 с.
- Токарев С.А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. М.: ОГИЗ-Соцэкгиз, 1936.
- Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: АлтГУ, 2003. 203 с.
- Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Загадка тринадцатого Филипповского кургана // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: К 70-летию А.Х. Пшеничного. Уфа: Гилем, 2006. С. 38–45.
- Barkova L.L., Pankova S.V. Tattooed mummies from large Pasyryk mounds: New findings // АЕАЕ. 2005. № 2 (22). P. 48–59.
- Samashev Z.S., Basarbaeva G.A., Zumabekova G.S. Die «goldhütendenGreife» des Herodot und die archäologische Kultur der Früheren Nomaden im Kazachischen Altai. Skythenzeitliche Kurgane von Berel und Tar-Asu // Eurasia Antiqua. 2002. Bd. 8. S. 237–277.

Элуста, КИГИ РАН
mariaochir@rambler.ru

The article proposes a division of the Pazyryk culture sites from steppe valleys of mountain Altai according to landscape-and-geographical principle — along the Katun'-and-Chuya ridge into west and east habitats. A review of basic sites within the limits of the two habitats revealed differences in their number, location and burial inventory, confirming the existence of the two habitats.

Mountain Altai, the Pazyryk culture, habitat of sites, landscape-and-geographical principle.